

УДК 398

«ФОЛЬКЛОР»: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ТЕРМИНА И ЕГО ЗНАЧЕНИЯ В РУССКОЙ НАУКЕ

Н. В. Дранникова

*Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова*

Актуальность исследования заключается в том, что в статье впервые рассматривается вся история существования термина «фольклор» в русской науке на протяжении XIX–XX веков. Неустойчивость и известная неопределенность этого термина, как он понимался в 1880–1890-е годы, стали причиной того, что русские ученые пользовались им редко. В XIX веке в область фольклора включалось все народное знание. Рассмотрев различные точки зрения, мы приходим к выводу о том, что в XX веке в России термин имел более узкое значение, чем в зарубежной науке, и означал устное народное поэтическое творчество. Окончательно узаконил такое понимание слова «фольклор» Ю. М. Соколов. Широкое распространение термина стало возможным благодаря речи А. М. Горького на I Всесоюзном съезде советских писателей. На рубеже XIX–XX веков существует не менее четырех концепций в отношении понимания фольклора (социологическая, эстетическая, филологическая, теоретико-коммуникативная). В советский период фольклористики основными чертами фольклора считаются устность и коллективность, в более поздний период науки – традиционность. В современной фольклористике произошло изменение объектов и методов исследования, которое привело к изменению научной парадигмы и расширению предметного поля слова «фольклор» – оно стало соотноситься не только с самим предметом, но и с представлениями о нем. В число объектов фольклористики включились продукты современной урбанистической «спонтанной» культуры, ранее не замеченные наукой. Современная фольклористика занимается изучением речевых практик, практик коммуникации. Более предпочтительным является изучение фольклора с позиций прагматики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: фольклор; термин; история; значение; русская наука; устное народное творчество; современные подходы.

N. V. Drannikova. "FOLKLORE": THE HISTORY OF THE TERM'S USE AND ITS IMPORTANCE IN THE RUSSIAN SCIENCE

The study is relevant given that it contains a complete historical overview of the term «folklore» in the Russian science throughout the 19th–20th centuries. Due to certain variability and ambiguity of the term in the 1880–1890's, Russian scientists seldom used it. In the 19th century the field of folklore included everything related to the folk knowledge. Having analyzed different viewpoints, we have come to the conclusion that the term had a more narrow meaning in the Russian folklore studies of the 20th century than in the foreign ones and meant oral folk arts. Yu. M. Sokolov was the one who ultimately adopted such an understanding of the word "folklore". The term became widespread due to the A. M. Gorkiy's speech at the First All-Union Congress of Soviet Writers. At the turn

of the 19th–20th centuries there existed 4 concepts regarding the understanding of folklore (sociological, aesthetic, philological, theoretical-communicative). In the Soviet period of the folklore studies the basic features of folklore are its oral and collective character, but in the later period of the studies – its traditional character. The change of the objects and methods of research has taken place in the modern folklore studies, which has led to the changes of the scientific paradigm and to the broadening of the meaning of the word “folklore”, which now correlates not only with the subject itself, but also with its concept. The objects of the folklore studies now also include the products of modern urban “spontaneous” culture which have not been scientifically analyzed before. The modern folklore studies are focused on speech practices and communication practices. The study of folklore from the perspective of pragmatics is more preferable nowadays.

Key words: folklore; term; history; meaning; Russian science; oral folk arts; modern approaches.

Понятие «фольклор» было впервые употреблено в 1846 году [Ambrose, 1846. С. 862/III – 863/I]. Однако неустойчивость и известная неопределенность этого термина, как он понимался в 1880–1890-е годы, стали причиной того, что русские ученые пользовались им редко. Свидетельством поисков значения термина является редакционная статья В. И. Ламанского, открывшая первый выпуск журнала «Живая старина». Автор пишет о «неуловимой цели и задаче фольклористов» [Ламанский, 1890. С. 43]. В статье отмечается неупорядоченность употребления термина «фольклор»: он обозначает то предмет исследования, то историко-культурную науку, то метод изучения этнографического материала, то народную психологию, то метод ее изучения [Ламанский, 1890. С. 43].

В русской дореволюционной науке термин «фольклор» не был особенно популярен, тем не менее в отношении содержания данного понятия сформировались принципиальные позиции. Раньше и полнее всех на эту тему высказался В. Лесевич. Он описал поле фольклора как «общую совокупность народного знания – все то, что знает народ по преданию... Эта обширная и сложная масса разнообразных высказываний народа о всей своей внутренней и внешней жизни во всех ее разветвлениях» [Лесевич, 1899. С. 343].

В XX веке, в частности в работах М. К. Азадовского, наметилась тенденция к тому, чтобы закрепить термин «фольклор» за устной словесностью. Однако саму эту словесность ученый никак не ограничивал рамками «художественности». Он включал в нее, наряду с песнями и сказками, суеверия, народный календарь, приметы и т. д., а главное, не упускал из виду единой программы «подлинно краеведческого познания страны», установления «лика современной деревни» и рассматривал с этой точки

зрения устные тексты как «этнографические единицы» [Азадовский, 1928. С. 70–72].

В 1926 г. начал выходить ежегодник с характерным названием «Художественный фольклор». В программной статье ежегодника один из ведущих советских фольклористов Ю. М. Соколов предложил использовать термин «фольклор» вместо традиционных для русской науки терминов «народная словесность», «народная поэзия», «устная словесность» [Соколов, 1926а. С. 5]. Одновременно он подчеркнул необходимость изучения фольклора «силами... словесников, этнографов, искусствоведов, музыкантов, артистов художественного рассказа и вокального искусства» [Соколов, 1926б. С. 153]. Однако несколькими годами позже, в 1931-м, в докладе «Значение фольклора и фольклористики в реконструктивный период», Ю. М. Соколов расстается с прежними идеями под влиянием советской идеологии: «Фольклор – одна из важнейших областей поэтического творчества, а фольклористика – одна из важнейших частей марксистско-ленинского литературоведения. К изучению фольклора должны быть применены все те основные методологические установки, которые применяются к литературоведению и искусствоведению вообще... Актуальные задачи современного рабочего и колхозно-пролетарского фольклора – те же, что и актуальные задачи пролетарской литературы» [Дискуссия..., 1931. С. 92].

Термин «фольклор» получил широкое распространение благодаря речи А. М. Горького на I Всесоюзном съезде советских писателей. Фольклор для Горького – «устное творчество трудового народа», в котором большая роль отводится индивидуальному началу – создателю, творцу [Горький, 1935. С. 12].

Обращаясь к проблеме определения понятия «фольклор», другой выдающийся фольклорист, В. Я. Пропп, писал: «Подходя к делу исторически, мы должны будем сказать, что для

доклассовых народов фольклором мы назовем творчество всей совокупности этих народов. Все поэтическое творчество первобытных народов целиком является фольклором и служит предметом фольклористики. Для народов, достигших ступени классового развития, фольклором мы будем называть творчество всех слоев населения, кроме господствующего, творчество которого относится к литературе. Прежде всего, сюда относится творчество угнетенных классов, как крестьян и рабочих, но также и промежуточных слоев, тяготеющих к социальным низам. Так, можно еще говорить о мещанском фольклоре, но говорить, например, о фольклоре дворянском уже невозможно» [Пропп, 1998. С. 157]. Такое определение фактически базируется на историко-эволюционном и классовом подходах, закономерных для отечественной науки советского периода. В. Я. Пропп противопоставляет собственную точку зрения на понятие «фольклор» мнениям западных ученых, отмечая, что фольклор – явление интернациональное и фольклористика охватывает творчество всех народов. В связи с этим ученый делает вывод: «под фольклором понимается творчество социальных низов всех народов, на какой бы ступени развития они ни находились. Для доклассовых народов под фольклором понимается творчество совокупности этих народов» [Пропп, 1998. С. 158].

Характеризуя ситуацию с пониманием «фольклора», сложившуюся на рубеже XX–XXI веков, К. В. Чистов отмечал, что в современной ему науке складывается представление о фольклоре в значениях узком и широком. Среди многообразных подходов к определению данного понятия ученый выделил четыре основных концепции [Чистов, 2005. С. 12]:

а) социологическую (и историко-культурную), в рамках которой под фольклором понимаются «устно передаваемые простонародные опыт и знания. При этом имеются в виду все формы духовной культуры», а при максимально расширительном толковании – и некоторые формы материальной культуры. Вводятся только социологическое ограничение («простонародные») и историко-культурный критерий – архаические формы, господствующие или функционирующие в качестве пережитков»;

б) эстетическую, для которой «фольклор – это простонародное художественное творчество или, по более современному определению, «художественная коммуникация» («artistic communication»). Эта концепция позволяет распространять употребление термина «фольклор» на сферу музыкального,

хореографического, изобразительного и т. д. простонародного творчества»;

в) филологическую, в соответствии с которой фольклор понимается как «простонародная вербальная традиция»;

г) теоретико-коммуникативную, которая рассматривает фольклор как знаково-символическую систему, возникающую в границах дописьменной культуры: «фольклор – это устная традиция. При этом устности придается первостепенное значение. Это позволяет выделять фольклор из других вербальных форм (прежде всего противопоставлять его литературе)».

В данной работе К. В. Чистов дает следующее определение сегменту традиционной культуры, который принято называть фольклором: «...это совокупность структур, интегрированных словом, речью, вне зависимости от того, с какими несловесными элементами они связаны» [Чистов, 2005. С. 15]. Ученый ставит вопрос о возможности дать «сквозное» определение фольклора, корректное для разных народов на разных этапах их развития, и дает следующий ответ: «Если ориентироваться на узкое определение фольклора, связанное с филологической и теоретико-информативной концепцией, но при этом учитывать и более широкий этнографический контекст, то можно было бы сказать, что фольклор – совокупность вербальных или вербально-невербальных структур, функционирующих в быту. При этом имеются в виду структуры, функционирующие изустно в контактных группах (в семье, общине, населенном пункте, районе, регионе, этносе и в рамках ареала того или иного языка или двуязычия). В этом определении нет характеристики содержания, стилистических особенностей, жанрового, сюжетного репертуара и т. п. Нет, потому что при всей традиционности фольклора он, если рассматривать его многовековую историю, был явлением динамичным. По крайней мере, на разных этапах истории духовной культуры он приобретал определенные (далеко не всегда нам известные) особенности» [Чистов, 2005. С. 19–20].

В работе «Фольклор и культура этноса» К. В. Чистов предложил такое определение: «...фольклором мы будем называть совокупность словесных текстов, вошедших в устную бытовую традицию того или иного этноса или – уже – какой-либо локальной, профессиональной и т. п. общности. Одним словом, в соответствии с традицией, сложившейся в советской фольклористике, в термин «фольклор» мы будем вкладывать только такое содержание, оставляя в стороне обряды (или, вернее, невербальные компоненты обряда), народные

знания, верования, изобразительное искусство и т. п., несмотря на то что в некоторых странах они тоже включаются в состав фольклора» [Чистов, 1986. С. 30].

Рассматривая проблему определения объема границ категории «фольклор» в науке, Б. Н. Путилов в своей книге «Фольклор и народная культура» выделил пять основных позиций в отношении к предметному полю фольклора [Путилов, 1994. С. 23–24].

1. Фольклор включает в себя всю совокупность, все многообразие форм традиционной культуры.

2. К фольклору относится весь комплекс традиционной духовной культуры, реализуемой в словах, идеях, представлениях, звучаниях, движениях, действиях.

3. Фольклор охватывает только комплекс явлений духовной культуры, относящихся к искусству.

4. Фольклор – это в первую очередь сфера словесного искусства.

5. К сфере фольклора относятся явления и факты вербальной духовной культуры во всем их многообразии.

Ученому близко более широкое понимание фольклора: «Фольклорист не должен бояться, что, расширяя поле фольклора, он неизбежно вторгнется в сферы, принадлежащие собственно лингвистике, диалектологии, этнонимике и т. п. пересечение пустот», вовсе оставленных наукой. На пересечении материалов представители разных дисциплин вступают не в конфликт, но в контакт. В идеале же стоит стремиться к многопрофильной специализации, к объединению в одном лице профессиональных знатоков в разных областях» [Путилов, 1994. С. 23–24]. Благодаря книге Б. Н. Путилова спор о филологическом / этнографическом определении фольклора утратил свою остроту.

В 2000 году вышел в свет новый научный альманах «Традиционная культура». Его создатели поместили на обложке издания широкое определение фольклора, выработанное на совещании правительственных экспертов по сохранению фольклора при ЮНЕСКО: «Фольклор (в более широком смысле традиционная народная культура) – это коллективное и основанное на традициях творчество групп или индивидуумов, определяемое надеждами и чаяниями общества, являющееся адекватным выражением их культурной и социальной самобытности; фольклорные образцы и ценности передаются устно, путем имитации и другими способами. Его формы включают язык, устную литературу, музыку, танцы, игры, мифологию, обряды, обычаи, ремесла, архитектуру и другие

виды художественного творчества» [Newsletter, 1987. С. 8].

В широком социогуманитарном контексте предмет фольклора был рассмотрен в монографии К. А. Богданова [2001]. Он постарался привнести в методологию фольклора новые подходы, существующие в других гуманитарных науках.

С. Б. Адоньева под фольклором понимает «особую форму устной речи» [Адоньева, 2004. С. 5]. В качестве показателя, который разграничивал бы устную спонтанную и фольклорную речь принципиально, она принимает признак, сформулированный П. Г. Богатыревым и Р. О. Якобсоном [1971]. Это показатель «установка на традицию», который характеризует специфику фольклорной речи функционально. «На формальном уровне данный признак проявляется в повышенной, по сравнению со спонтанной устной речью, стереотипностью фольклорных высказываний, или их урегулированностью, как определил это качество фольклорной речи К. В. Чистов» [Адоньева, 2004. С. 5]. Специфика фольклорной речи состоит в том, что она организована в соответствии с определенными принципами, задаваемыми традицией. Соблюдение этих принципов является жизненно важным условием воспроизведения социума во времени, поскольку традиция речевых практик, практик коммуникации, напрямую связана с закреплением определенных социальных отношений. Представляется, что различие между фольклорными и нефольклорными формами речи для носителей традиции лежит в значительной степени в области прагматики. Таким образом, исследовательница рассматривает «фольклор как особый семиотический аппарат, созданный для конструирования времени, пространства и социального взаимодействия в заданных традицией рамках» [Адоньева, 2004. С. 11].

Эти мысли получили развитие в статье С. Б. Адоньевой [2005], где она рассматривает новые методологические подходы, которые возникли в связи с расширением предметного поля фольклора. Исследовательница отмечает, что объектом анализа могут быть вербальные формы – и в этом случае на первый план выходят лингвистические методы исследования, и поведенческие формы – тогда методы антропологические. Под фольклором исследовательница понимает саму практику воспроизведения символических форм культуры [Адоньева, 2005. С. 46]. С. Б. Адоньева анализирует взаимоотношения фольклора и речи и считает, что фольклору, как сегменту речи, присущи все характеристики последней.

В фольклористике существуют поэтико-семантический и риторико-дискурсивный принципы описания текста. С. Б. Адоньева считает, что необходимо использовать дискурсивный метод анализа фольклорных текстов [Там же. С. 51]. Она делает вывод, что изменение представления о фольклоре произошло из-за изменения фольклористических методов исследования. Переосмыслены оказались родовые признаки фольклора: традиция стала пониматься в общесоциологических категориях, речь – в категориях теории коммуникации, общество – как динамический механизм, регулируемый разными факторами [Там же. С. 55].

Вопрос об определении понятия «фольклор» рассматривает С. Ю. Неклюдов [2002. С. 3–7]. Он предложил понимать фольклор как совокупность устных текстов, которые:

- передают устойчивый набор значений устойчивыми средствами;
- воспроизводятся, а не производятся заново;
- излагаются в варьируемых формах;
- поются, рецитируются или рассказываются;
- бывают разных размеров – очень маленькие и очень большие;
- связаны с обрядом или независимы от него;
- передаются непосредственно-контактным способом;
- представляют собой продукцию, производимую сообществом «на потребление», а не «на сбыт».

В статье А. С. Каргина и С. Ю. Неклюдова обращается внимание на то, что в разных национальных традициях предметное поле фольклора понимается по-разному. В западноевропейской науке фольклор частично изучается этнографией, частично краеведением, частично культурологией [Каргин, Неклюдов, 2005. С. 25]. Сам предмет в Западной Европе называется как *устная литература*, так и *народная культура*.

В конце 1980-х годов в отечественной фольклористике происходит изменение объектов и методов исследования: в центре внимания фольклористов в конце XX в. оказывается не текст, а предтекстовые формы, интертекстуальные и предтекстовые отношения, происходит «антропологизация» фольклористики [Каргин, Неклюдов, 2005. С. 25]. В число объектов фольклористики включаются продукты современной урбанистической «спонтанной» культуры, ранее не замеченные наукой.

С. М. Толстая обращает внимание на то, что в отечественной и зарубежной фольклористике фольклор понимается в узком и широком смысле. В узком понимании фольклор

отождествляется с устным народным творчеством, в широком смысле – это вся область традиционной духовной культуры [Толстая, 2005. С. 118–119]. Толстая рассматривает соотношение между фольклором и этнографией, фольклором и литературой, фольклором и языком. Фольклор и этнографию объединяет такой признак, как традиционность и содержательное семантическое единство, использование общего символического языка. Язык же является необходимым компонентом народной традиции. Он аккумулирует в себе культурные смыслы [Толстая, 2005. С. 122–124]. Толстая считает, что фольклору как словесной культуре соответствует филологическая фольклористика, комплексным изучением традиционной духовной культуры занимается этнолингвистика.

А. А. Панченко противопоставляет российскую фольклористику зарубежной. Он объясняет это тем, что отечественная фольклористика тяготела к изучению «архаических» форм фольклора, а ее основным методом был историко-сравнительный. В то время как в западной науке доминировал структурно-семиотический подход. Панченко отмечает, что в XIX в. термин «фольклор» имеет национально-романтические коннотации. Он считает, что родовые признаки фольклора, такие как устность и коллективность, не имеют большого значения для его определения. Фольклор не имеет смысла называть творчеством. Фольклор не следует рассматривать как систему жанров, а исследование поэтики фольклора в категориях литературной эстетики не имеет эвристического смысла. Современные фольклористы занимаются повседневными культурными практиками, «живым бытованием» культурных форм [Панченко, 2005]. Впервые о том, что словом folk обозначается не только крестьянский мир, но и любая группа, обладающая хотя бы одной характеристикой, свойственной крестьянскому фольклору, написал американский исследователь А. Дандес [2003. С. 137]. Также фольклор, считает Дандес, «прежде всего не материал, а совокупность представлений, так или иначе отраженных в текстах» [Дандес, 2003. С. 7].

Подведем некоторые итоги. В русской науке термин «фольклор» на протяжении XIX–XX веков имел более узкое значение, чем в зарубежной, и относился только к сфере устного народного творчества вплоть до конца 1980-х годов. В современной фольклористике произошло изменение объектов и методов исследования, которые привели к изменению научной парадигмы и расширению предметного поля слова «фольклор», кроме того, фольклор соотносится

не только с самим предметом, но и с представлениями о нем.

На сегодняшний день в понимании фольклора расходятся мнения ученых различных направлений, что продолжает составлять научную проблему. Решению этой проблемы будет способствовать углубленное изучение разнообразных устных текстов, которые представляют как историю народной культуры, так и ее современное состояние.

Литература

Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. СПб.: СПб. ун-т, 2004.

Адоньева С. Б. Фольклористика и современное гуманитарное знание // Первый всероссийский конгресс фольклористов: сб. докладов. М., 2005. Т. 1. С. 44–57.

Азадовский М. К. Место и роль фольклора в организации краеведческих исследований // Труды Первого сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Новосибирск, 1928. Т. 4. С. 70–72.

Богатырев П. Г., Якобсон Р. О. Фольклор как особая форма творчества // Богатырев П. Г. Вопросы народного творчества. М.: Искусство, 1971. С. 369–383.

Богданов К. А. Повседневность и мифология (Исследования по семиотике фольклорной действительности). СПб., 2001. С. 12–108.

Горький М. Советская литература. Доклад на I Всесоюзном съезде советских писателей. М., 1935.

Дискуссия о значении фольклора и фольклористики в реконструктивный период // Литература и марксизм. 1931. № 5. С. 91–114.

Дандес А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ. М.: Вост. лит-ра РАН, 2003.

Каргин А. С., Неклюдов С. Ю. Фольклор и фольклористика третьего тысячелетия // Первый всероссийский конгресс фольклористов: сб. докладов. М., 2005. Т. 1. С. 14–8.

Ламанский В. И. От редактора // Живая старина. СПб., 1890. Вып. 1. С. 11–47.

Лесевич В. В. Фольклор и его изучение // Памяти В. Г. Белинского. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов. М., 1899. С. 343–347.

Неклюдов С. Ю. Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты // Традиционная культура, 2002. № 3. С. 3–7.

Панченко А. А. Фольклористика как наука // Первый всероссийский конгресс фольклористов: сб. докладов. М., 2005. Т. 1. С. 72–95.

Пропп В. Я. Поэтика фольклора. М.: Лабиринт, 1998.

Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994.

Соколов Ю. М. Очередные задачи изучения русского фольклора // Художественный фольклор. М., 1926. Вып. 1. С. 5–29.

Соколов Ю. М. Работа по русскому фольклору за революционный период // Этнография. 1926. № 1–2. С. 153–178.

Толстая С. М. Фольклор и этнолингвистика // Первый всероссийский конгресс фольклористов: сб. докладов. М., 2005. Т. 1. С. 118–133.

Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Л.: Наука, 1986.

Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция. М.: ОГИ, 2005.

Ambrose M. Folk-Lore // The Atheneum. 1846. 22 august. No 982. P. 862/ III – 863/ I.

Newsletter / Published by Nordic institute of folklore. Turku, 1987. No 1. 8 p.

Поступила в редакцию 16.03.2015

References

Adon'eva S. B. Pragmatika fol'klora [Pragmatics of folklore]. St. Petersburg: SPb. un-t, 2004.

Adon'eva S. B. Fol'kloristika i sovremennoe humanitarnoe znanie [Folkloristics and modern humanitarian knowledge]. *Pervyi vserossiiskii kongress fol'kloristov: Sb. dokladov [The first All-Russian congress of folklorists. Collected papers]*. Moscow, 2005. Vol. 1. P. 44–57.

Azadovskii M. K. Mesto i rol' fol'klora v organizatsii kraevedcheskikh izuchenii [The role of folklore in organizing regional studies]. *Trudy Pervogo sibirskogo kraevogo nauchno-issledovatel'skogo s'ezda [Proc. of the first Siberian regional scientific and research congress]*. Novosibirsk, 1928. Vol. 4. P. 70–72.

Bogatyrev P. G., Yakobson R. O. Fol'klor kak osobaya forma tvorchestva [Folklore as a special form of creativity]. *Bogatyrev P. G. Voprosy narodnogo tvorchestva [Issues of folk art]*. Moscow. Iskusstvo 1971. P. 369–383.

Bogdanov K. A. Povsednevnost' i mifologiya (Issledovaniya po semiotike fol'klornoj deistvitel'nosti) [Daily

life and mythology: Studies in the semiotics of folk reality]. St. Petersburg, 2001. P. 12–108.

Chistov K. V. Narodnye traditsii i fol'klor [Folk traditions and folklore]. Leningrad: Nauka, 1986.

Chistov K. V. Fol'klor. Tekst. Traditsiya [Folklore. Text. Tradition]. Moscow: OGI, 2005.

Diskussiya o znachenii fol'klora i fol'kloristiki v rekonstruktivnyi period [Discussion on the importance of folklore and folkloristics in reconstructive period]. *Literatura i marksizm [Literature and Marxism]*. 1931. No 5. P. 91–114.

Dandes A. Fol'klor: semiotika i/ili psikhoanaliz [Folklore: semiotics and/or psychoanalysis]. Moscow: Vost. lit-ra RAN, 2003.

Gor'kii M. Sovetskaya literatura. Doklad na I Vsesoyuznom s'ezde sovetskikh pisatelei [Soviet literature. Report on the First All-Union Congress of Soviet Writers]. Moscow, 1935.

Kargin A. S., Neklyudov S. Yu. Fol'klor i fol'kloristika tret'ego tysyacheletiya [Folklore and folkloristics of the third Millennium]. *Pervyi vserossiiskii kongress fol'kloristov: Sb. dokladov [The first All-Russian congress of folklorists. Collected papers]*. Moscow, 2005. Vol. 1. P. 14–28.

Lamanskii V. I. Ot redaktora [From the editor]. *Zhivaya starina [Living antiquity]*. St. Petersburg, 1890. Iss. 1. P. 11–47.

Lesevich V. V. Fol'klor i ego izuchenie [Folklore and its study]. Pamyati V. G. Belinskogo. Literaturnyi sbornik, sostavlennyy iz trudov russkikh literatorov [In memory of V. G. Belinsky. Literature digest of the works of the Russian writers]. Moscow, 1899. P. 343–347.

Neklyudov S. Yu. Fol'klor: tipologicheskii i kommunikativnyi aspekty [Folklore: typological and communicative aspects]. *Traditsionnaya kul'tura [Traditional culture]*, 2002. No 3. P. 3–7.

Panchenko A. A. Fol'kloristika kak nauka [Folkloristics as a science]. *Pervyi vserossiiskii kongress fol'kloristov: Sb. dokladov [The first All-Russian congress of folklorists. Collected papers]*. Moscow, 2005. Vol. 1. P. 72–95.

Propp V. Ya. Poetika fol'klora [The poetics of folklore]. Moscow: Labirint, 1998.

Putilov B. N. Fol'klor i narodnaya kul'tura [Folklore and folk culture]. St. Petersburg: Nauka, 1994.

Sokolov Yu. M. Ocherednye zadachi izucheniya russkogo fol'klora [The essential problems in the study of Russian folklore]. *Khudozhestvennyi fol'klor [Artistic folklore]*. Moscow, 1926. Iss. 1. P. 5–29.

Sokolov Yu. M. Rabota po russkomu fol'kloru za revolyutsionnyi period [Work on the Russian folklore during the period of revolution]. *Etnografiya [Ethnography]*. 1926. No 1–2. P. 153–178.

Tolstaya S. M. Fol'klor i etnolingvistika [Folklore and ethnolinguistics]. *Pervyi vserossiiskii kongress fol'kloristov: Sb. dokladov [The first All-Russian congress of folklorists. Collected papers]*. Moscow, 2005. Vol. 1. P. 118–133.

Ambrose M. Folk-Lore. *The Atheneum*. 1846. 22 august. No 982. P. 862/ III – 863/ I.

Newsletter. Published by Nordic institute of folklore. Turku, 1987. No 1. 8 p.

Received March 16, 2015

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Дранникова Наталья Васильевна

директор, д. фил. н., проф.
Центр изучения традиционной культуры
Европейского Севера
наб. Северной Двины, 17, Архангельск, Россия, 163002
эл. почта: navad@atknet.ru
тел.: (8182) 216159

CONTRIBUTOR:

Drannikova, Natalia

Centre for Studies of Traditional Culture of the European North
17 Northern Dvina Emb., 163002 Arkhangelsk, Russia
e-mail: navad@atknet.ru
tel.: (8182) 216159